

---

## СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

---

## SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

---

УДК 81 272

DOI:10.37892/2713-2951-1-17-115-121

### ЯЗЫКИ ДИАСПОРЫ

### DIASPORA LANGUAGES

Одна из попыток осмысления феномена диаспоры была предложена академиком В.А. Тишковым [Тишков, 2021: 46,47] и заключалась в том, чтобы рассмотреть диаспору не как статистико-демографическую или этнокультурную группу, а прежде всего как конкретную ситуацию и стиль поведения части мигрантских и других сообществ или политических сил, действующих от имени данных социальных коалиций [Тишков, 2021: 445]. С этой точки зрения, диаспора выступает в качестве политического явления [Тишков, 2000: 57], политического проекта, политической миссии служения, сопротивления, борьбы и реванша [Тишков, 2021: 430], мощнейшего исторического актора, способного влиять на события самого высокого порядка; политики и даже геополитики на протяжении всей истории [Там же: 427], поскольку ключевым моментом диаспорообразования является не этническая общность, а так называемое национальное государство [Там же: 429] (критический взгляд на переоценку, в частности, государственности как этнообразующего фактора содержится в статье С.А. Арутюнова [Арутюнов, 2000: 75]).

С позиций В.А. Тишкова [Тишков, 2000: 53], диаспора видится исключительно внесоциорной [Семёнов, 2000: 66], и, как следствие, несмотря на изначальную установку исследовать феномен диаспоры «преимущественно в российском историко-культурном контексте» [Тишков, 2000: 46], упускается тот факт, что она может быть и внутрисоциорной, когда «члены этноса живут в том же геосоциоре, в котором находится ядро их этнической общности, но только за пределами своей этнической территории» [Там же: 66]. Основная причина, по которой жесткой критике подвергается «навязанная диаспоризация страны» [Тишков, 2021: 465], а также «повальное увлечение диаспорой как научной проблемой» [Там же: 445], лежит в плоскости все той же государственно-охранной концепции, очерченной В.А. Тишковым [Там же: 444, 445], согласно которой «внутри государств нет и не должно быть диаспор из “собственной” культурной среды, ибо государство есть дом, где все граждане равноправны» [Там же: 441], а «диаспоральный дискурс стал изощренной формой разделения и отчуждения в политических целях существующих гражданских сообществ, социальная и культурная общность которых, а также единство интересов выше, чем часто гипотетическая

мощь и влияние диаспор» [Там же: 465]. Несмотря на иные высказываемые точки зрения, в частности рассмотрения типологии диаспор по оси «внешние/внутренние» (об этом см.: [Тощенко, Чаптыкова, 1996; Иванов, 2000, 2005; Ягафова, 2013]), преобладающей является позиция, озвученная В.А. Тишковым.

Подчеркнем, что в фокусе непосредственно интересующих нас вопросов находится функционирование языка. Адаптация типологии внешней/внутренней диаспоры применительно к нашему объекту исследования и введение в оборот соответствующего термина (*языки внешней/внутренней диаспоры*) представляется насущным не только потому, что позволит составить адекватное описание и зафиксировать наблюдаемые явления в научном поле социолингвистики, но скорректировать и дополнить некоторые положения в рамках междисциплинарных исследований. В частности, уточнить представления о роли языка в поддержании этнической идентичности. Этнокультурная идентичность признается одним из базовых признаков диаспоры [Космарская, 2022: 14], однако роль языка для ее поддержания подчас нивелируется или игнорируется (ср. утверждения Т.В. Полосковой о том, что сохранение языка не является определяющим признаком диаспоры [Полоскова, 1999: 21] с мнением Дж.А. Фишмана [Fishman, 2001: 3–5]).

Вопросам выявления и изучения некоторых аспектов функционирования языков народов Российской Федерации, расселенных дисперсными группами, сложившимися в результате миграции из мест исконного проживания в другой регион страны, посвящен ряд работ других авторов (о калмыцком см.: [Биткеева, 2018: 61, 64, 65]; о татарском см.: [Москвичева, Сафина, 2018]). Безусловно, некоторые сопутствующие перемещению представителей этнической группы внутри государства проблемы социолингвистического плана (в частности, минорация статуса языка, сокращение объема его употребления за счет увеличения использования членами этнической группы доминирующего языка, снижение уровня межпоколенческой передачи этнического языка, проблема новых носителей языка и пр.) в определенной мере характерны и для мигрантов, принадлежащих к внешней диаспоре (см., например: [Зубалов, Шуванникова, 2017; Баранова, 2023: 162–175]). Однако ключевым моментом дифференциации языков внутренней и внешней диаспоры является именно факт изучения членами языкового сообщества (носителями этнических языков) русского языка в качестве государственного в школе, переход на русский язык во внутрисемейном общении в условиях смены места жительства и адаптации, более совершенный уровень владения русским уже в первом поколении мигрантов (ср. ситуацию с мигрантами из других стран, обосновавшимися в том же регионе, значительную долю во внутрисемейном общении которых по-прежнему занимает родной язык; об этом см.: [Омельченко, 2017: 64]).

Модель дифференциации языков внутренней и внешней диаспоры представляется операциональной с точки зрения разрешения некоторых методологических недочетов и погрешностей. Так, теоретические разработки, в большей степени касающиеся внешних диаспор, едва ли могут составить всеобъемлющую базу для описания социолингвистической ситуации с языками финно-угорских народов, проживающих компактными группами за пределами своих исконных территорий в Российской Федерации (см., например: [Кондрашкина, 2016]).

Подобные методологические несоответствия обусловлены неоднозначностью самой «диаспоры». Дефиниция и типология диаспоры находятся в предметном поле этнографов, историков, культурологов, политологов и до сих пор, кажется, вызывают споры и не имеют единого определения (об этом см.: [Милитарев, 1999]. Одни исследователи ориентируются на «классические» исторические образцы [Дятлов, 1999: 15–19; Safran, цит. по: Диаспоры и разделенные народы..., 2006: 14,15], другими допускаются расширенные трактовки, что обусловлено увеличением числа диаспор, уровнем их многообразия (исторические vs новые диаспоры) [Арутюнов, 2000: 75]. Впрочем, среди множества определений возможно выделить несколько признаков, которые рассматриваются большинством специалистов в качестве базовых [Космарская, 2022: 14]. Однако, помимо широкого круга явлений, включенных ныне в понятие «диаспора», чрезвычайно пестрая палитра дефиниций обусловлена и тем, что исследователи, как правило, ограничиваются тем определением, которое наиболее выгодно в преломлении методологического аппарата их научной дисциплины [Фоканов, 2008: 284] или соответствует идеологическим установкам самого исследователя.

В социолингвистике давно назрела необходимость различения языков внешней и внутренней диаспоры и введения в научный оборот соответствующих терминов применительно к описанию функционирования языков народов Российской Федерации, проживающих вне исконного ареала расселения. Подобное различение может оказаться весьма плодотворным.

В исследовании М.В. Куцаевой [2020] обобщены результаты социолингвистического обследования в языковом сообществе чувашей, проживающих на постоянной основе в Москве и Московской области. В силу исторических причин 43,3 % чувашей расселены за пределами административно-территориальных границ Чувашской Республики как компактными, так и дисперсными группами на территории Российской Федерации. Выделим существенные, на наш взгляд, признаки внутренней диаспоры с точки зрения языка:

1) изучение представителями внутренней диаспоры русского языка в качестве одного из государственных языков в системе школьного образования;

2) использование русского в качестве государственного на территории соответствующего административно-территориального образования;

3) частые контакты с малой родиной, а значит, периодическое употребление этнического языка;

4) вследствие миграции – функциональное перераспределение языков (этнического и русского) по крайней мере в случае тех, для кого на малой родине функционально первым выступал этнический язык [Там же: 25].

Вероятно, разработка и проведение дальнейших case studies по схожей тематике позволит исследователям выделить и другие признаки или уточнить предложенные.

Таким образом, предлагаемая модель различения языков внешней и внутренней диаспоры (ее дальнейшее углубленное изучение и детализация) может оказаться операциональной не только для социолингвистической науки, но и для междисциплинарных изысканий.

### Литература

- Арутюнов С.А.* (2000) Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 74–78.
- Баранова В.В.* (2023) Языковая политика без политиков: Языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: ВШЭ. 238 с.
- Биткеева А.Н.* (2018) Языковая адаптация диаспоры: Стратегии и перспективы развития // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 14 (3). С. 57–81.
- Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве (2006) / Отв. ред. К.С. Гаджиев, Э.Г. Соловьев; ИМЭМО РАН. М. 141 с.
- Дятлов В.И.* (1999) Диаспора: Попытка определиться в понятиях // *Диаспоры*. № 1. С. 8–23.
- Зубалов Д.Ю., Шуванникова Е.М.* (2017) Роль семьи и школы в формировании идентичности грузинских школьников в Москве // *Родной язык: Лингвистический журнал*. № 2 (7). С. 99–120.
- Иванов В.П.* (2000) Современная чувашская диаспора: Организационное строение и связь с республикой // *Чувашское население России: Консолидация. Диаспоризация. Интеграция* / Автор-сост. П.М. Алексеев; отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО. Т. 1. Республика и диаспора. С. 19–36.
- Иванов В.П.* (2005) Этническая география чувашского народа: Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во. 383 с.
- Кондрашкина Е.А.* (2016) Диаспора // *Язык и общество: Энциклопедия*. М.: Азбуковник. С. 134–142.
- Космарская Н.П.* (2022) Постсоветские диаспоры: История, политика, идентичность / *Ин-т востоковедения РАН; Центр изучения Центр. Азии, Кавказа и Урало-Поволжья*. М. 280 с.
- Куцаева М.В.* (2020) Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История. 312 с.
- Милитарев А.Ю.* О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции) // *Диаспоры*, 1999. №1. С. 24–33.
- Москвичева С.А., Сафина Л.М.* (2018) Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: Татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 14 (3). С. 277–300.

- Омельченко Е.А.* (2017) Технологии адаптации иноязычных и иноэтничных обучающихся в школьном образовании // Родной язык: Лингвистический журнал. № 2 (7). С. 54–73.
- Полоскова Т.В.* (1999) Современные диаспоры: Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга. 252 с.
- Семёнов Ю.И.* (2000) Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. № 2. С. 64–74.
- Тишков В.А.* (2021) Теория и политика диаспоры // В.А. Тишков. Избранные труды: В 5 т. М.: Наука. Т. 2. 543 с.
- Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000, № 2. С. 43–63.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* (1996) Диаспора как объект социологического исследования // Социс. № 12. С. 33–42.
- Фоканов Ю.В.* (2008) Диаспора: К вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 60. С. 284–289.
- Ягафова Е.А.* (2013) Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве. Самара: ПГСГА. 180 с.
- Fishman J.A.* (2001) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21<sup>st</sup> Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters. 520 p.

### Reference

- Arutyunov, S.A.* (2000) Diaspora – jeto process [Diaspora is a process] // Jethnograficheskoe obozrenie. No. 2. Pp. 74–78. (In Russ.)
- Baranova, V.V.* (2023) Jazykovaja politika bez politikov: Jazykovej aktivizm i minoritartnye jazyki v Rossii [Language policy without politicians: Language activism and minority languages in Russia]. M.: Vysshaja shkola ekonomiki. 238 p. (In Russ.)
- Bitkeeva, A.N.* (2018) Jazykovaja adaptacija diaspory: Strategii i perspektivy razvitija [Linguistic adaptation of the diaspora: Strategies and development prospects] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. Vol. 14 (3). Pp. 57–81. (In Russ.)
- Diaspory i razdelennye narody na postsovetskom prostranstve (2006)* [Diasporas and divided peoples in the post-Soviet space] // Otv. red. K.S. Gadzhiev, Je.G. Solov'ev; IMJeMO RAN. M. 141 p. (In Russ.)
- Dyatlov, V.I.* (1999) Diaspora: Popytka opredelit'sja v ponjatijah [Diaspora: An attempt to define concepts] // Diaspory. No. 1. Pp. 8–23. (In Russ.)
- Zubalov, D.Yu., Shuvannikova, E.M.* (2017) Rol' sem'i i shkoly v formirovanii identichnosti gruzinskih shkol'nikov v Moskve [The role of family and school in the formation of the identity of Georgian schoolchildren in Moscow] // Rodnoj jazyk: Lingvisticheskij zhurnal. No. 2 (7). Pp. 99–120. (In Russ.)
- Ivanov, V.P.* (2000) Sovremennaja chuvashskaja diaspora: Organizacionnoe stroenie i svjaz' s respublikoj // Chuvashskoe naselenie Rossii: Konsolidacija. Diasporizacija. Integracija. [Modern Chuvash diaspora: organizational structure and connection with the republic // Chuvash population of Russia: Consolidation. Diasporization. Integration]. M. CIMO. Vol. 1. Respublika i diaspora / Avtor-sost. P.M. Alekseev; otv. red. M.N. Guboglo. Pp. 19–36. (In Russ.)
- Kondrashkina, E.A.* (2016) Diaspora [Diaspora] // Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. M.: Azbukovnik. Pp. 134–142. (In Russ.)
- Kosmarskaya, N.P.* (2022) Postsovetskie diaspory: Istorija, politika, identichnost' / In-t vostokovedenija RAN; Centr izuchenija Centr. Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ja [Post-Soviet diasporas: History, politics, identity / The Institute of Oriental Studies RAS; The Caucasian, Central Asian and Volga-Ural Studies]. M. 280 p. (In Russ.)

- Kutsaeva, M.V.* (2020) Funkcionirovanie jetnicheskogo jazyka v chuvashskoj diaspore moskovskogo regiona [The functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of the Moscow region]. M.; SPb.: Nestor-Istorija. 312 p. (In Russ.)
- Militarev, A.Yu.* O sodержanii termina "diaspora" (k razrabotke definitsii) [On the content of the term "diaspora" (toward the development of a definition)]. *Diasporas*, 1999. No. 1. Pp. 24 – 33. (In Russ.)
- Moskvicheva, S.A., Safina, L.M.* (2018) Motivacija izuchenija jazyka v minoritarnoj situacii: Tatarskij jazyk v uslovijah vnutrennej diaspory goroda Moskvy [Motivation for learning a language in a minority situation: The Tatar language in the conditions of the internal diaspora of the city of Moscow] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij RAN*. Vol. 14 (3). Pp. 277–300. (In Russ.)
- Omelchenko, E.A.* (2017) Tehnologii adaptacii inozjazyčnyh i inojetnichnyh obučajushhihsja v shkol'nom obrazovanii [Technologies for adaptation of foreign-language and other-ethnic students in school education] // *Rodnoj jazyk: Lingvističeskij žurnal*. No. 2 (7). Pp. 54–73. (In Russ.)
- Poloskova, T.V.* (1999) Sovremennye diaspory: Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty [Modern diasporas: Internal political and international aspects]. M.: Nauchnaja kniga, 1999. 252 p.
- Semenov, Ju.I.* (2000) Jetnos, nacija, diaspora // *Jetnografičeskoe obozrenie*. No. 2. Pp. 64–74. (In Russ.)
- Tishkov, V.A.* (2021) Teorija i politika diaspory [Theory and politics of the diaspora] // V.A. Tishkov *Izbrannye trudy: V 5 t.* M.: Nauka. Vol. 2. 543 p. (In Russ.)
- Tishkov, V.A.* Istoričeskij fenomen diaspory [Historical phenomenon of diaspora] // *Etnografičeskoye obozrenie*. 2000. No. 2. Pp. 43 – 63. (In Russ.)
- Toshhenko, Zh.T., Chapykova, T.I.* Diaspora kak objekt sociologičeskogo issledovanija [Diaspora as an object of sociological research] // *Socis*. 1996. No. 12. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Fokanov, Ju.V.* (2008) Diaspora: K voprosu o konceptualizacii ponjatija v uslovijah globalizacii [Diaspora: On the issue of conceptualization of the concept in the context of globalization] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 60. Pp. 284–289. (In Russ.)
- Yagafova, E.A.* (2013) Chuvashskaja "diaspora" na postsovetskom prostranstve [Chuvash "diaspora" in the post-Soviet space]. Samara: PGSGA. 180 p. (In Russ.)
- Fishman, J.A.* (2001) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters. 520 p.

**М.В. Куцаева** 

Институт языкознания Российской академии наук,  
Российская Федерация

---

**Куцаева Марина Васильевна** – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: [marina.kutsaeva@iling-ran.ru](mailto:marina.kutsaeva@iling-ran.ru)



**Kutsaeva Marina Vasilievna** – Candidate of Philological Sciences, researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.

E-mail address: [marina.kutsaeva@iling-ran.ru](mailto:marina.kutsaeva@iling-ran.ru)

---

Для цитирования: Куцаева М.В. Языки диаспоры // Социоллингвистика. 2024. № 1 (17). С. 115–121. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-115-121

For citation: *Kutsaeva, M.V. Diaspora languages // Sociolingvistika. 2024. No. 1 (17). Pp115–121. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-115-121*

*Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).*

© М.В. Куцаева, 2024

*This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).*

© Marina V. Kutsaeva, 2024

The article was submitted 11.12.2023;  
approved after reviewing 26.02.2024;  
accepted for publication 15.03.2024.